

Ирина МОИСЕЕВА

ПОВЕСТЬ О КОММУНИЗМЕ И ЛЮБВИ

Вовремя бабушка никогда не будила. Ей хотелось, чтобы мой сон продолжался как можно дольше, а мне — быть умытой к тому времени, когда из черного радио раздастся милый и добрый голос: «Кто загадки любит, тот нас и услышит, кто их отгадает, тот нам и напишет». Я загадки очень люблю и стараюсь все отгадать, только писать мы с бабушкой не умеем.

После завтрака мы едем на рынок или идем в магазин. Уже прилетели белые мухи, и на меня надевают шаровары, валенки, меховую шапочку, шубку и завязывают на шею бант — крепдешинный зеленый или белый капроновый. Белый на морозе колет, но он важнее, не у каждой девочки есть капроновый шарфик.

Магазинов три. Железнодорожный, мясной и булочная. Булочная — любимая, там пахнет ванилью, меня ставят к розовой колонне и покупают пятикопеечную глазированной булочку.

По дороге нам встречаются бабушкины подруги, а в мясном магазине, с отвратительными запахами, подруг особенно много. С каждой надо хотя бы перекинуться двумя словами.

На случай, если я потеряюсь, я уже выучила улицу, номер дома и квартиры. Но потеряться мне очень трудно. Бабушка всегда крепко держит меня за руку, и я слушаю, как она обменивается новостями со своими подругами. Новости по большей части неприятные, но разговаривают они с удовольствием, и если бы я не дергала и не тянула бабушку, а стояла как хорошая девочка, мы бы неведомо когда вернулись домой, а нам еще обед надо готовить.

* * *

Мне торчать на кухне нельзя, и без меня народу много. Я только мою руки, дождавшись, когда тетя Фиса вымоет раковину. Люблю смотреть, как у нее получается. Раз-раз, и чисто. У тети Фисы есть сын Валентин и телевизор. Вчера утром мы с бабушкой ходили его смотреть. Экран закрывает вышитая салфеточка, а сверху стоит фарфоровая собачка. Жаль только, что тетя Фиса боится этот телевизор включать.

Валентин служит в Советской армии в Германии. И мне лично к праздникам присылает заграничные открытки. А когда вернется из Советской армии — привезет мне

Ирина Сергеевна Моисеева родилась в Ленинграде. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. В 1989 году вступила в Союз писателей СССР. Автор поэтических книг «Стихи» (1992), «Чужие стихи» (2003), «Легкое чтение» (2019), филологического романа «Синдром Солженицына». Живет в Санкт-Петербурге.

брошку. Настоящую, пластмассовую! Гензель и Гретель. Мальчик и девочка. У них хорошенькие розовые лица. У Гензеля шляпка с зеленым перышком, желтая рубашка, коричневые короткие штанишки, башмачки и в руках суковатая палка, а Гретель держит корзиночку с грибами и очень нарядная.

Бабушка пришла эту брошку к моей шапке. Я так их люблю: Гензеля, Гретель и Германию!

* * *

Еще в нашей квартире живет тетя Женя, у нее два сына. Они нигде не служат, просто большие мальчики. А третья соседка, моя любимая — тетя Галя. Самая молодая. Обещает подарить мне свои клипсы с цветочками. Если я капризничаю, не обедаю, бабушка уносит тарелку на кухню, а через некоторое время стучится тетя Галя и приглашает меня обедать к себе. Я иду в гости и с удовольствием съедаю вкусный тети-Галин супчик, тем более что она такая веселая, все время смеется. Я вежливо говорю: «Большое спасибо», получаю конфетку, орешки, красивую коробочку — что-нибудь обязательно получаю и ухожу. Меня ждут дела.

* * *

Все валики и подушки на оттоманке в чехлах. На подушках чехлы вышитые, на валиках белоснежные, накрахмаленные. Очень легко можно представить, что это огромные сугробы. У меня чудесная деревянная лопатка, и я начинаю срывать эти сугробы, бегая со своей лопаткой вокруг оттоманки. Когда вырасту, я стану дворником! Бабушка тоже когда-то была дворником. Только она из-за войны, а я потому, что мне очень нравится снег — блестящий, пушистый. И дворник — самая лучшая профессия.

* * *

В четыре часа по радио говорит Пекин. У бабушки выдаются свободные минутки. Она садится на оттоманку, берет мою куклу и начинает учить меня держать в руках иголку. Всякое рукоделие я ненавижу.

Наперсток очень тяжелый и страшно мешает, иголка все равно переколет все пальцы и обе ладошки, нитка не вдвигается; если дело и доходит до шитья, то все кривое, косое, перетянутое так безобразно, что бабушкино сердце не выдерживает, она отбирает у меня иголку, шьет и вышивает прекрасные одежды для моей куклы, а я в новеньких войлочных тапочках катаюсь по натертому паркету посреди комнаты под китайскую музыку. Так хорошо дома!

Пока говорит Пекин, приходит старший брат, потом папа, потом мама. Сразу много народу, все заняты, я путаюсь под ногами, пока меня не укладывают спать.

* * *

Мама возвращается с работы последней. Иногда она успевает поцеловать меня и расспросить, во что я сегодня играла. Иногда, засыпая, я чувствую влажную свежесть только что растаявших снежинок, благоухание «Красной Москвы», чуть слышный запах табака от маминого платья и нежное касание ее губ, но сил раскрыть слипшиеся веки у меня уже нет. А может быть, я уже давно сплю и вижу сон про то, как мама пришла с работы.

* * *

Сплю я за ширмой вместе с бабушкой. Кровать у нас большая, с блестящими шариками. Когда лежишь на кровати, в шарики можно смотреться. Бабушка меня укачивает, перестанет качать — я просыпаюсь, она качает снова. Бабушке это надоедает, и она начинает напевать: «Придет серенький волчок, схватит Иру за бочок». Это я представляю прекрасно: страшные кривые волчьи зубы впиваются в мой бочок, капает кровь, от страха я засыпаю.

* * *

«Кто загадки любит, тот нас и услышит...» Утро.

Сегодня я в магазин не пойду, сегодня я в магазин буду играть. Среда — папин выходной. «Папин выходной — папа целый день со мной». До маминого прихода он в моем полном распоряжении. Личное время только на физзарядку и бритье, и то уже под моим наблюдением.

Обычно мы едем в музей, а если остаемся дома — читаем и играем. У меня два любимых музея — Эрмитаж и Русский. Мне нравится там все, но по-настоящему я люблю монументальную живопись. Иногда мы пристаиваемся к экскурсиям, дети идут впереди группы, а я впереди детей. Только с экскурсоводом скучновато. Папа знает больше. Сидим на бархатном диванчике, я ем шоколадки и слушаю папу. Вроде бы страшная картина, а все как-то устроится. После музеев у меня всегда отличное настроение, все картины заканчиваются хорошо.

Даже прибитый гвоздями, безусловно, мертвый Христос умер ненадолго, всего на три дня. До воскресенья.

* * *

Я перегораживаю комнату стульями — это прилавок. Раскладываю на прилавке игрушки — это товар — и перелезаю сама — это продавец. Папа, такой высокий, с маленькой моей сумочкой приходит за разных покупателей. Все они очень смешные. Когда весь товар раскуплен, мы меняемся — он продавец, а я покупатели. Он и продавец лучше меня, но я тоже стараюсь. Когда этот магазин нам надоест, мы идем гулять.

На столике, за которым летом играют в домино, лежит шапка слежавшегося снега. Мы аккуратно снимем его лопатками. Здесь будет мясной магазин — самый любимый. Огромные куски снега с темными прожилками в середине раскладываются на прилавке. Я работаю мясником, отрубаю кусочки, приглянувшиеся старушкам и дамочкам, выбираю сахарные косточки, кладу довески. Потом я — старушки и дамочки. Снова я мясник. Работа тяжелая. Пора домой, а то почитать не успеем.

* * *

Елка должна быть такой, чтобы звезда упиралась в потолок.

Такую мы и купили.

Но игрушек все равно больше. Что-то остается в сундуке, переложенное ватой до будущего года. Выбрать я не могу, все мне нравится одинаково, каждая игрушечка любимая. А вчера еще мама купила двухэтажную коробку новых немецких игрушек: там и птички с нейлоновыми длинными хвостиками, и настоящие разноцветные сте-

клянные колокольчики с хрустальными язычками, розовый шарик со снежинками и зеленая елочка, засыпанная снегом... Куда все вешать?

* * *

Папа сделал мне столик, красный, лаковый, с прозрачным ящичком в середине. На столике я разложила камни, которые называются породы, достаю из своего ящичка листочки и пишу на них тоненьким карандашом научную работу, ведь я буду геологом и уже начала свои исследования.

Все предлагают научить меня писать и читать по-настоящему.

Я вежливо, но твердо отклоняю эти предложения. Зачем? Я же пойду в школу, что же я там буду делать, если всему выучусь.

* * *

Приехала московская тетя Валя. Привезла нам подарки. Мне большого поролонового зайца в малиновых штанах с красной морковкой. Сам мягкий, а голова крепкая, будто железная. Нашелся какой-то родственник в Америке. Вернее, это он отыскал тетю Валю. Сначала пришла открытка, а теперь посылка с подарками. Тете Вале — вязанный брючный костюм. Ни одна порядочная женщина, конечно, его не наденет. Все очень смеялись, бабушка — до слез. Говорит, всегда он такой дурачок был. Костюм тетя Валя, разумеется, распустила и связала три кофты. Одну — мне.

* * *

Бабушка ушла в магазин без меня. Я сижу сопливая и жду «Угадайку».

А «Угадайки» нет. Мне передают доклад Никиты Сергеевича Хрущева на XXII съезде. Как интересно! У меня даже насморк прошел. Скоро будет коммунизм! Каждый будет брать, что захочет. Я представляю этот коммунизм. Пустой длинный-длинный узкий коридор, конца не видно, по обе стороны одинаковые двери, захожу в первую — там ковры: растеленные, свернутые в трубочки, сваленные кучей. Много-много ковров и пыли. Я выхожу в коридор и открываю следующую дверь — игрушки!

Сколько раз я ни представляла коммунизм, дальше этой второй игрушечной комнаты заглянуть не удалось. Всегда в ней застрянешь до тех пор, пока не уснешь.

* * *

Головки у пешечек такие кругленькие и умненькие! Сначала я выстраиваю черненьких, потом белых. Белые всегда начинают игру, это не по-честному, но такие правила. Последними приезжают королевы, они что хотят, то и делают.

Все фигуры расставлены, можно попросить Сашу сыграть со мной, но только с ним не интересно. Во что бы мы ни играли, он вечно обыгрывает. Лучше уж подожду папу. С папой всегда я побеждаю.

* * *

Вечером с папой и Сашей катались на лыжах с насыпи Володарского моста, и вдруг подходит милиционер. Что-то сказал папе, и мы повернули домой. Оказывается, в городе нельзя кататься на лыжах. Оказывается, здесь уже город!

Начались! Вот они — перемены! Я чувствую все время: вот-вот начнется замечательное, новое.

Утром приехала тетя Милита, бабушкина сестра. Будут менять деньги. Они тихо и недовольно переговариваются за столом: деньги, деньги, новые, обмен денег. Меня бабушка гонит играть в мой уголок, а я не могу усидеть, кружусь вокруг них и хохочу. Ура, начинается коммунизм! Новые-новые деньги.

* * *

Новой жизни все больше и больше.

Кафе открыли — «Фантазия»! Какое название! Буквы боком! Разноцветные! Вырасту — буду каждый день туда ходить.

Сколько магазинов еще открылось, и все такие вкусные, интересные — пока все обойдем, некогда и с подругами поговорить! Рыбный — с воблой и с живой рыбой в большом аквариуме, к которому ставят детей. Колбасный — с копченой «Советской» и «Московской» — не выхожу без довеска!

Мороженица круглая во дворе! Саша бегаёт туда с белой миской и набирает полную разноцветных шариков: малиновое, черносмородиновое, шоколадное с орехами.

Но главное, за нашим домом построили кино! Новое! И называется «Спутник»! Один спутник в космосе, другой — у нас! Каждое утро — детский утренник!

Я ведь хочу стать артисткой. Я уже играла, как меня встречают у трапа самолета. И я не пойду в кино! Подумаешь, Саша уезжает. Нет, меня ничем не успокоите, я буду весь день плакать — до мамы.

Саша привел к бабушке двух больших девочек из своего класса, и все просят за меня. Бабушка согласна! Она рассказала, как надо следить за ребенком, не отпускать его ни на минуту, привести обратно, и дала денег.

Меня держат за обе руки, пока в одной не появляется вафельный стаканчик.

Кино в «Спутнике» начинается с мороженого.

* * *

На Пасху едем на Троицкое поле.

Только вышли из автобуса, завернули за угол — подруга. Она работает в подвале, окна зарешечены, но рамы раскрыты. На улице тепло, весна, из подвала плывет жаркий вкусный воздух, там пекут сушки, и большие противни остывают на подоконниках. Подруга удивляется, что я такая большая, и дает мне теплых сухечек. Мы тут, на Троицком поле, сегодня ночуем и идем потихонечку, никуда не торопясь. Здесь чужих нет, живут только бабушкины знакомые, она всех знает.

На Троицком поле мне тоже нельзя выходить из комнаты, а я и не хочу. Солнца много. На трюмо полно красивых коробочек и бутылочек, могу играть всем, чем захочу, и еще пустых с собой дадут! Кровать высокая (я только со скамеечки могу залезть), мягкая-мягкая.

Утро теплое, солнечное, пахнет куличом. Кулич в белом платочке с бумажной розой. Мы идем и ни с кем не останавливаемся. Навстречу никого, все подруги идут с нами в одну сторону.

Бабушка повторяет, чтобы я не смела никому говорить, где мы были. Кому никому?

После обеда меня отпускают одну погулять во двор. На площадке повсюду разноцветная яичная скорлупа, ребята катают яйца и бьются ими. Я никого здесь не знаю, но у меня маленькая цветная корзиночка с крашеными яйцами, и я как-то быстро со всеми подружилась.

А нам уже уезжать.

И ложиться сегодня надо пораньше. Утром придет машина, нас с бабушкой отвезут на дачу.

* * *

У меня все новое! Все-все! И чулочки, и туфельки, и пальто, и портфель, и набор «Первоклассница», и платье, и два фартука — черный и белый, и все-все.

Я завтра в школу иду! В одной вазе стоит мой огромный букет, в другой — Сашин, обычный. Меня все поздравляют и дарят подарки, я даже устала.

Как я люблю Хрущева! Это он придумал коммунизм и все новое: и счастливое будущее, и плакаты с Рогом Изобилия, из которого все вываливается, и плакаты с комсомолкой.

Моя учительница оказалась совершенно точно такой, как на плакате. И прическа такая же, и улыбка, и зовут ее так необычно — Раиса Александровна!

* * *

На первом уроке у нас экскурсия по школе.

А на втором нам рассказывают про коммунизм. Я правильно сделала, что не хотела учиться писать, у нас совершенно новая, передовая программа. Чистописания вообще не будет. Будет коммунизм, и человек только на кнопки нажимай, а делать все станут машины!

Нет, писать нас все-таки будут учить. Коммунизм не сразу будет наступать, а постепенно.

* * *

Сейчас начнется диктант. Раиса Александровна вчера сказала, какие слова мы будем писать. Два слова написать совершенно невозможно. Весь вечер у меня было плохое настроение, я и заснуть не могла, все видела эти два огромных слова: ЦВЕТЫ и УЛИЦА. Одна буква «ц» чего стоит. Не зря ее в конец алфавита поставили. Как же писать эти слова?

Спасение только одно: «Раиса Александровна, мне надо уйти, у меня номерок к зубному». Она сразу отпустила. Как хорошо, как легко стало на душе. Я собираю портфельчик, вот и звонок на урок, а я уже на лестнице! Денек славный, солнечный, настроение тоже солнечное, легкое.

Почти у самого гардероба на меня наткнулся Саша.

— Ты куда?

— Я забыла учебник.

— Давай беги скорее, ведь уже звонок был.

Вот так. И смотрит подозрительно. Что делать? Если бы не эти ЦВЕТЫ и УЛИЦА!

Со всех ног я несусь домой, звоню без остановки, бабушка открывает: «Что случилось?» Я так запыхалась, что не могу говорить, хватаю учебник и бегу. Куда?

Если встану на лесенке в доме напротив школы, увижу, как все уходит будут. И уйду вместе со всеми.

Тетьнка, переведите меня, пожалуйста, через дорогу. Бабушка мне самой не разрешает переходить через дорогу, меня могут задавить машины.

Тетьнка переводит, и я смотрю на школу через мутное окошко. Сердце летает из горла в пятки и обратно, во рту пересохло, руки дрожат — все из-за этих противных

ЦВЕТОВ и УЛИЦЫ. В первом классе никто не пишет диктантов, да еще таких сложных, все еще карандашами палочки рисуют, я знаю. А меня может кто-нибудь увидеть. Саша может все рассказать.

Наверное, диктант уже закончился. Вернусь, скажу, что ошиблась, и все будет хорошо. Ну, эти ЦВЕТЫ и УЛИЦА! Тетенька, переведите меня, пожалуйста, на ту сторону.

— Что случилось, Ирочка?

— Раиса Александровна, я ошиблась, мне завтра к врачу.

— Хорошо, садись.

Уф.

— А теперь, дети, откройте тетради и напишите: диктант.

Цветы, улица.

* * *

Я распахнула пальто, жарко-жарко. Весна.

Прибегу домой, сразу начну писать сочинение. Я знала, что у человека безграничные возможности, особенно у нового человека, он и в космос летает, и целину покоряет. Но такое!

Наш класс ходил на Неву смотреть ледоход. Лед шуршит, слепит глаза, пахнет весной; вода голубая, небо голубое, жара, но самое главное, Раиса Александровна сказала, что можно узнать, на каком берегу ты находишься! Надо встать лицом в ту сторону, куда течет река, вытянуть в направлении течения обе руки, правая рука — правый берег, левая — левый!

И так на любой реке!

Мы должны написать дома о нашей прогулке, но уж я-то о прогулке писать не стану, я лучше напишу про это научное открытие.

Человек — покоритель Вселенной!

Я даже есть не могу, сначала напишу. Каждый может узнать, на каком берегу он стоит!

* * *

Мое сочинение лучшее! Его отправят в роно на выставку!

Только я должна все переписать без ошибок.

* * *

— Дети, поздравляю вас с окончанием учебного года.

Солнце нагрело парты, на улице легкий майский ветерок. Сколько же можно держать нас в классе!

— На все пятерки закончил год Сережа Коробков. К сожалению, Сережа болен. Кто знает, где он живет, и может отнести ему табель?

Прямо сейчас можно выбежать на улицу! Я тяну руку. Свобода!

— Отнеси, Ирочка, и возвращайся, у нас еще будет утренник.

* * *

Как бы узнать, где живет Сережа?